

© Андрей Михайлович Наумов,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой уголовно-правовых
дисциплин
Владимирского филиала РАНХиГС
Naumov_a@vlad.ranepa.ru

A. M. Naumov,
Candidate of Law,
Vladimir branch of RANEPa

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВРЕМЕННЫХ ГРАНИЦ ЗАЯВЛЕНИЯ ХОДАТАЙСТВА О ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Debatable issues of determining the time limits for the application for the conclusion of a pre-trial cooperation agreement

Аннотация. В 2009 году в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации была включена новая глава 40.1 «Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве». В статье 317.1 УПК РФ сказано, что подозреваемый или обвиняемый вправе заявить ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве с момента начала уголовного преследования до объявления об окончании предварительного следствия. Поскольку в законе не содержится определения момента начала уголовного преследования, то по данному вопросу среди исследователей возникла дискуссия. Часть ученых предлагает распространить уголовное преследование на стадию возбуждения уголовного дела и наделить правом заявлять ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве не только подозреваемых и обвиняемых, но и лиц, в отношении которых проводится доследственная проверка (именуемых «заподозренным» и «контрактантами»). Автор анализирует аргументы, высказываемые сторонниками данных взглядов, вскрывает противоречия в нормах УПК РФ и показывает несостоятельность подобных предложений. Также определяется момент объявления об окончании предварительного следствия. Дается анализ предложений по расширению временных границ процедуры заявления ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

Annotation. In 2009, the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation included a new chapter 40.1 "Special procedure for making a court decision when concluding a pre-trial cooperation agreement." Article 317.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation states that a suspect or accused person has the right to file a petition for concluding a pre-trial agreement on cooperation from the moment the criminal prosecution begins until the end of the preliminary investigation is announced. Since the law does not contain a definition of the moment of initiation of criminal prosecution, a discussion arose on this issue

among researchers. Some scientists propose extending criminal prosecution to the stage of initiating a criminal case and giving the right to file a petition for a pre-trial agreement on cooperation not only to suspects and defendants, but also to persons under investigation (called “suspected” and “contractors”). The author analyzes the arguments expressed by the supporters of these views, reveals contradictions in the norms of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and shows the inconsistency of such proposals. The moment of announcement of the end of the preliminary investigation is also determined. An analysis of proposals for expanding the time limits of the procedure for filing a petition for the conclusion of a pre-trial cooperation agreement is given.

Ключевые слова: уголовное преследование, досудебное соглашение о сотрудничестве, ходатайство.

Keywords: criminal prosecution, pre-trial cooperation agreement, petition.

Федеральным законом № 141-ФЗ от 29 июня 2009 года в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации была включена новая глава 40.1 УПК РФ «Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве».

В статье 317.1 УПК РФ прописан порядок заявления ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Там говорится, что ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве подается подозреваемым или обвиняемым в письменном виде на имя прокурора. Данное ходатайство подписывается подозреваемым или обвиняемым, а также его защитником.

Также в законе определен временной промежуток, когда данное ходатайство может быть заявлено. В части 2 статьи 317.1 УПК РФ говорится, что подозреваемый или обвиняемый вправе заявить ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве *с момента начала уголовного преследования до объявления об окончании предварительного следствия.*

Что касается момента окончания предварительного следствия и объявления следователя об этом обвиняемому, то этот момент регламентирован нормами статьи 215 УПК РФ.

В части 1 статьи 215 УПК РФ говорится: признав, что все следственные действия по уголовному делу произведены, а собранные доказательства достаточны для составления обвинительного заключения, следователь уведомляет об этом обвиняемого и разъясняет ему предусмотренное статьей 217 настоящего Кодекса право на ознакомление со всеми материалами уголовного дела как лично, так и с помощью защитника, законного представителя, о чем составляется *протокол* в соответствии со статьями 166 и 167 настоящего Кодекса.

Таким образом, протокол в порядке ст. 215 УПК РФ является тем процессуальным документом, который фиксирует момент уведомления следователем обвиняемого об окончании предварительного следствия.

Отсюда мы заключаем, что после составления данного протокола обвиняемый уже лишается права по действующему законодательству заявить ходатайство о заключении с ним досудебного соглашения о сотрудничестве.

Правильно это или нет? Ведь при ознакомлении с материалами уголовного дела обвиняемый имеет право заявлять различные ходатайства (часть 4 статьи 217 УПК РФ). Как правило, данные ходатайства бывают направлены на дополнение материалов уголовного дела путем приобщения к ним различных документов, как-то справок о состоянии здоровья, различных характеристик с места жительства, с места работы, учебы и т.д., а также ходатайства могут содержать просьбы о выполнении каких-либо дополнительных следственных действий. Например, обвиняемый может ходатайствовать о дополнительном допросе свидетелей, потерпевших, о проведении очных ставок, о назначении дополнительных или повторных экспертиз.

Отсюда мы видим, что ходатайства ходатайствам рознь. Бывают ходатайства, которые не требуют проведения каких-либо дополнительных следственных или иных процессуальных действий (приобщение документов к делу). Но бывают ходатайства, которые требуют возобновления уже завершенного следствия и выполнения новых, дополнительных следственных действий, что влечет, соответственно, продление сроков расследования и содержания под стражей либо домашнего ареста, если судом избирались эти меры пресечения.

В связи с этим возникает один резонный вопрос: а если обвиняемый при ознакомлении с материалами уголовного дела заявит ходатайство о заключении с ним досудебного соглашения о сотрудничестве и пообещает следствию сообщить ценную информацию о других соучастниках преступления или новых эпизодах преступной деятельности, почему бы стороне обвинения не пойти ему навстречу и не удовлетворить данное ходатайство? Как быть в данной ситуации следователю?

В рамках действующего законодательства следователь не может удовлетворить данное ходатайство и направить его прокурору, поскольку обвиняемый пропустил установленный законом срок его заявления. Поэтому следователь должен вынести постановление об отказе в удовлетворении данного ходатайства. Однако правильно ли это?

Подобные мысли возникают не только у автора данной статьи. Другой исследователь А. Каретников [3] описывает ситуацию, когда преступление совершается группой лиц, а выявляется в процессе следствия и привлекается в качестве обвиняемого один из её участников. В силу различных причин это лицо на предварительном следствии не выдает остальных соучастников преступления, а следственными и оперативно-розыскными мероприятиями установить их не представляется возможным. Не исключена ситуация, когда прокурору до утверждения обвинительного заключения может поступить от обвиняемого ходатайство, в котором тот обязуется в случае заключения с ним соглашения о сотрудничестве назвать соучастников преступления и место их нахождения [3, с. 38].

Данный исследователь считает, что в этой ситуации прокурор должен принять и рассмотреть заявленное ходатайство, пригласив к участию в его обсуждении защитника и следователя [3, с. 38].

Мы не можем согласиться с этим мнением, поскольку ходатайство обвиняемым будет заявлено с нарушением закона, после составления следователем протокола в порядке статьи 215 УПК РФ.

По мнению А. Каретникова, момент, когда обвиняемый лишается права на заявление такого ходатайства, установлен неверно [3, с. 38]. Он полагает, что таким моментом является момент направления прокурором дела в суд [3, с. 39]. И предлагает внести в УПК РФ изменения, а именно в части 2 статьи 317.1 УПК РФ слова «до объявления об окончании предварительного следствия» заменить словами «до направления прокурором уголовного дела в суд» [3, с. 41].

Следует согласиться с мнением данного исследователя, что в случае принятия подобных изменений в УПК РФ временные рамки заявления обвиняемым ходатайства о заключении досудебного сотрудничества расширятся. Это пойдет на пользу стороне обвинения без ущерба для законных прав обвиняемого.

Кстати, подобное предложение об изменении норм УПК РФ высказывает и Багаутдинов К. Ф. [1, с. 12]. По его мнению, обвиняемому может быть предоставлено право заявлять ходатайство о заключении соглашения после объявления об окончании следствия. В случае заключения соглашения прокурором дело возвращается следователю для производства дополнительного расследования.

Выше мы рассмотрели вопрос с определением крайней временной границы, когда обвиняемый может заявить ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

Теперь попробуем определить начальную точку этого процесса, связанную с **моментом начала уголовного преследования**.

Здесь дело обстоит сложнее, поскольку уголовно-процессуальный закон не содержит определения момента начала уголовного преследования.

Когда же начинается уголовное преследование в действительности? Разные авторы по-разному отвечают на этот вопрос.

Профессор А. Г. Халиулин различает моменты начала уголовного преследования в зависимости от форм преследования. Так, «моментом начала уголовного преследования *в форме обвинения* является вынесение постановления о привлечении в качестве обвиняемого» [12, с. 37]. «Уголовное преследование *в форме подозрения* начинается в момент производства первого следственного действия, направленного на собирание обвинительных доказательств в отношении конкретного лица» [12, с. 39-40]. Но, поскольку этот момент весьма затруднительно точно определить, автор предлагает выносить постановление о привлечении лица в качестве подозреваемого и «момент вынесения такого постановления будет считаться моментом начала уголовного преследования в форме подозрения» [12, с. 39-40].

Само по себе это предложение не ново. Ранее ряд процессуалистов, в том числе проф. Н. А. Якубович [19, с. 34], высказывали ту мысль, что перечисленные в части 1 ст. 122 УПК РСФСР 1960 года фактические данные следует считать основаниями не задержания, а признания лица подозреваемым. Признание же лица подозреваемым является по своей сути процессуальным решением, поэтому, согласно п. 12 ст. 34 УПК РСФСР 1960 года, оно должно быть оформлено не протоколом, а *постановлением*.

Данное предложение не лишено смысла, а аргументация сторонников данной точки зрения остается актуальной и после принятия нового УПК РФ. Поэтому законодатель прислушался к точке зрения наших видных процессуалистов и Федеральным законом от 6 июня 2007 года № 90-ФЗ в УПК РФ введена статья 223.1 «Уведомление о подозрении в совершении преступления».

Другой автор профессор А. Б. Соловьев связывает начало уголовного преследования с тем обстоятельством, возбуждено ли уголовное дело по факту либо против конкретного лица. Если уголовное дело возбуждено против конкретного лица, то акт возбуждения уголовного дела и есть момент начала уголовного преследования. А при возбуждении уголовного дела по факту преступления начальным моментом уголовного преследования явится проведение первого процессуального действия, связанного с применением мер процессуального принуждения [9, с. 124].

Данная точка зрения представляется предпочтительной, так как она отражает состояние ныне действующего процессуального законодательства и позволяет более точно и четко определить момент начала уголовного преследования.

Напомним, что уголовно-процессуальный закон относит к мерам процессуального принуждения задержание подозреваемого, меры пресечения и иные меры процессуального принуждения, перечисленные в статьях 112-118 УПК РФ (обязательство о явке, привод и т.д.).

Таким образом, применение любой из перечисленных выше мер процессуального принуждения будет означать начало уголовного преследования.

По мнению Шаталова А. С. [15, с. 29], начало уголовного преследования совпадает с принятием совершенно определенных процессуальных решений. В их числе: 1) возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица; 2) задержание лица по подозрению в совершении преступления; 3) применение к лицу меры пресечения до предъявления обвинения; 4) привлечение лица в качестве обвиняемого.

Любенко В. В. [5, с. 119-120] полагает, что момент публичного уголовного преследования следует связывать именно с постановлением о возбуждении уголовного дела.

Однако есть и другие точки зрения, согласно которым уголовное преследование может начаться ещё до возбуждения уголовного дела.

Так, Попрядухин А. В. и Роганов С. А. [8, с. 107] утверждают, что уголовное преследование может начаться до возбуждения уголовного дела.

При этом они ссылаются на мнение Коршуновой О. Н. [4, с. 18] о том, что уголовное преследование как познавательный процесс начинается ещё на стадии возбуждения уголовного дела. Она предлагает рассматривать понятие «уголовное преследование» в *узком* и *широком* смысле.

Ранее нами рассматривались подобные взгляды другого представителя Санкт-Петербургской научной школы доцента Никитина Е. Л. [6, с. 45-47], изложенные в его диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук [7].

Уголовное преследование *в узком смысле* рассматривается этими авторами [8, с. 107] *в процессуальном смысле* (п. 55 ст. 5 УПК РФ), т.е. деятельность стороны обвинения (п. 47 ст. 5 УПК РФ) в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления.

В широком смысле уголовное преследование, поимо своего процессуального содержания, включает в себя реализацию криминалистических целей и задач. К ним относятся не только выявление, изобличение и привлечение к ответственности виновных в совершении преступления лиц, но и установление причин и условий, способствовавших совершению данного деяния, для организации профилактики и предупреждения его совершения в будущем. Автор подчеркивает, что понятие «уголовное преследование» в широком смысле является криминалистическим [8, с. 108].

Представляется, что авторами смешиваются различные уголовно-процессуальные функции.

А. Г. Халиулин [13, с. 14] выделяет следующие уголовно-процессуальные функции.

А. Основные функции: 1) уголовного преследования; 2) защиты; 3) разрешения дела; 4) прокурорского надзора; 5) расследования; 6) гражданского иска; 7) защиты против иска.

Б. Дополнительные функции: 1) судебного контроля; 2) обеспечения прав и охраны законных интересов участвующих в деле лиц; 3) оказания юридической помощи; 4) предупреждения преступлений; 5) процессуального руководства расследованием; 6) вспомогательная.

Если опираться на предложенную данным автором классификацию уголовно-процессуальных функций, то мы увидим, что уголовное преследование, понимаемое вышеуказанными авторами в широком смысле, является смешением различных функций: функции уголовного преследования, функции расследования и функции предупреждения преступлений.

Авторы смешивают функции уголовного преследования и расследования преступлений, потому что деятельность по выявлению лиц, виновных в совершении преступления, т.е. по установлению личности и собиранию доказательств их вины, охватывается содержанием функции расследования преступления, а не уголовного преследования.

Авторы смешивают функции уголовного преследования и предупреждения преступлений, поскольку установление причин и условий,

способствующих совершению преступлений, для последующего внесения следователем в соответствующую организацию или соответствующему должностному лицу в порядке части 2 статьи 158 УПК РФ представления для устранения обстоятельств, способствующих совершению преступления, является ничем иным как профилактикой совершения преступлений.

Нельзя преследовать неустановленное лицо. Уголовное преследование начинается только после установления лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности.

Однако не все авторы согласны с подобным утверждением.

В частности, Баев О. Я. [2] считает, что утверждение о том, что уголовное преследование осуществляется только в отношении конкретного лица, представляется нам принципиально неверным [2, с. 14].

По его мнению, уголовное преследование существует в двух формах: *опосредованной и непосредственной* [2, с. 15].

В основу данного деления автор предлагает положить взгляды дореволюционного исследователя Я. И. Баршева, который еще в первой половине XIX в., комментируя Свод законов Российской империи 1832 г., *подразделял расследование преступлений на два вида: предварительное и формальное* [2, с. 19].

Предметом *предварительного следствия*, по его мнению, являются: «1) приведение в известность или возможно большую вероятность действительности того обстоятельства, на котором основывается деяние, кажущееся преступлением; 2) раскрытие его вероятно преступного свойства; 3) собрание улик, изобличающих в известном лице виновника его; 4) собрание всех доказательств дела, которые или сами собой представляются на вид, или суть такого свойства, что впоследствии нельзя уже будет получить их, а должно отыскивать их и собирать по горячим следам» [2, с. 19].

«Цель *формального следствия*, – писал далее Я. И. Баршев, – состоит в том: 1) чтобы преступление, которое в предварительном следствии доведено только до вероятности, привести в полную известность; 2) чтобы объяснить всю степень вины или невинности того лица, которое признано в нем подозрительным; одним словом, доставить столь подробное и полное исследование дела, чтобы на нем можно было основать впоследствии решительный, обвинительный или оправдывающий приговор» [2, с. 20].

В результате: *предварительное следствие* – это «объем всех тех действий относительно исследования уголовных дел, которые предпринимаются для уяснения поводов к уголовному суду, для приведения в возможную известность состава преступления и для раскрытия тех причин, которые на какое-либо лицо указывают как на вероятного виновника преступления»; *формальное* – «объем всех действий следователя, которые направляются против известного лица, поставленного в состояние обвинения по причине известного преступления, чтобы иметь возможность окончательно решить, действительно ли и в каком виде и степени учинило оно рассматриваемое преступление и достойно ли оно наказания».

Я. И. Баршев прямо указывает на существование *двух форм уголовного преследования (по нашей терминологии это опосредованная («предварительное следствие») и непосредственная («формальное следствие») формы уголовного преследования)* и раскрывает содержание каждой из них.

По мнению Баева О. Я., такая специфика уголовного преследования в полной мере свойственна и современному российскому уголовному судопроизводству.

Мы не можем согласиться с предложенной данным автором классификацией форм уголовного преследования, поскольку понятие формы уголовного преследования, как отмечает А. Г. Халиулин [12, с. 40], указывает прежде всего на то, в какой уголовно-процессуальной форме оно осуществляется. А под уголовно-процессуальной формой, как мы знаем, понимается порядок производства по делу в целом или отдельных процессуальных действий [10, с. 59-60].

Обычно авторами выделяются *две основные формы уголовного преследования, которые относятся к досудебным стадиям уголовного судопроизводства: это подозрение и обвинение.*

Кроме того, **формами уголовного преследования по уголовным делам в отношении отдельных категорий граждан являются:**

1) уголовное преследование в отношении *несовершеннолетних*, которое осуществляется со своими особенностями, изложенными в главе 50 УПК РФ;

2) уголовное преследование в отношении *лица, совершившего запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости, или лица, у которого после совершения преступления наступило психическое расстройство*, делающее невозможным назначение наказания или его исполнение, которое осуществляется в порядке, предусмотренном главой 51 УПК РФ;

3) уголовное преследование в отношении *отдельных категорий лиц, перечисленных в части 1 статьи 447 УПК РФ* (депутаты Государственной Думы, члены Совета Федерации, прокуроры, судьи и т.д.), которое осуществляется по правилам, установленным главой 52 УПК РФ.

Формами уголовного преследования в зависимости от порядка судебного разбирательства в суде первой инстанции являются:

1) уголовное преследование в суде первой инстанции, осуществляемое *в общем порядке*, установленном главами 33-39 УПК РФ;

2) уголовное преследование *при особом порядке* принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, осуществляемое в порядке главы 40 УПК РФ;

3) уголовное преследование *при особом порядке принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве*, осуществляемое в порядке главы 40.1 УПК РФ;

4) уголовное преследование при производстве по уголовным делам, *подсудным мировому судье*, осуществляемое в порядке, предусмотренном главой 41 УПК РФ;

5) уголовное преследование при производстве по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей, осуществляемое в порядке, установленном главой 42 УПК РФ.

В последнее время в научной литературе появились представители точки зрения, которые утверждают, что уголовное преследование может начинаться ещё до возбуждения уголовного дела, после поступления сообщения о преступлении в правоохранительный орган, в период проведения доследственной проверки, и они предлагают наделить этих лиц правом заявлять ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

В частности, Яковлева С. А. и Конюшков П. С. [18, с. 97-98] отмечают, что *с момента проверки сообщения о преступлении как начала уголовного преследования* лицо, находящееся под фактическим подозрением, ещё не приобрело процессуального статуса подозреваемого или обвиняемого [18, с. 97].

Авторы отмечают, что обнаруживается пробел в правовом регулировании условий заключения досудебного соглашения о сотрудничестве лица, подвергаемого уголовному преследованию, до возникновения процессуальных статусов подозреваемого или обвиняемого.

По их мнению, в части 2 статьи 317.1 УПК РФ к числу лиц (подозреваемому, обвиняемому), имеющих право заявить ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, возможно отнесение лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении.

Лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, упоминается в п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ, регуливающей условия допуска защитника. В то же время оно может быть признано фактическим подозреваемым, тем самым создаются условия возникновения процессуального статуса подозреваемого до возбуждения уголовного дела [18, с. 97].

В соответствии с этой позицией авторы предлагают внести изменения в текст частей 1 и 2 статьи 317.1 УПК РФ, дополнив перечень лиц, имеющих право заявить ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, также *лицом, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении* [18, с. 97-98].

Авторы полагают целесообразным дополнить перечень участников уголовного судопроизводства со стороны защиты лицом, наделенным процессуальным статусом соучастника, заключившим досудебное соглашение о сотрудничестве, путем внесения в главу 6 УПК РФ статьи 47.1 следующего содержания:

«Ст. 47.1. Соучастник преступления, заключивший досудебное соглашение о сотрудничестве

1. Соучастником, заключившим досудебное соглашение о сотрудничестве, признается лицо: 1) заключившее досудебное соглашение о сотрудничестве до возбуждения уголовного дела; 2) подозреваемый,

заклучивший досудебное соглашение о сотрудничестве; 3) обвиняемый, заключивший досудебное соглашение о сотрудничестве» [18, с. 98].

Почему вышеуказанные авторы утверждают, что уголовное преследование начинается ещё до возбуждения уголовного дела, на стадии доследственной проверки? Есть ли у них к этому веские основания, к которым мы относим, прежде всего, нормы уголовно-процессуального закона? Для ответа на этот вопрос обратимся к анализу норм УПК РФ, содержащихся в главе 19 УПК РФ.

Следует отметить, что нами ранее [6, с. 89-103] рассматривалась проблематика уголовного преследования на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, в том числе на стадии возбуждения уголовного дела, которая начинается с момента поступления сообщения о преступлении и кончается принятием процессуального решения в порядке ст. 145 УПК РФ.

В ходе проведенного исследования мы констатировали, что если УПК РФСР 1960 года разрешал до возбуждения уголовного дела производство только одного следственного действия – осмотра места происшествия, которое носило нейтральный характер и никак не могло быть отнесено к элементам уголовного преследования, то статья 144 УПК РФ позволяет следователю производить до возбуждения уголовного дела не только осмотр места происшествия, но и осмотр трупа, осмотр предметов и документов, освидетельствование, назначать и производить судебную экспертизу, получать образцы для сравнительного исследования.

Ряд этих следственных действий (например, осмотр места происшествия, осмотр трупа) носят нейтральный характер и никак не могут считаться уголовным преследованием.

Но некоторые из разрешенных законом до возбуждения уголовного дела следственных действий могут быть сопряжены с ущемлением конституционных прав граждан, в частности, права на достоинство личности (ст. 21 Конституции РФ), права на свободу и личную неприкосновенность (ст. 22 Конституции РФ), права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (ст. 23 Конституции РФ), право на неприкосновенность жилища (ст. 25 Конституции РФ).

Это может произойти, если следователь в ходе доследственной проверки осматривает предметы и документы, которые содержат личную и семейную тайну, либо направляет гражданина на проведение освидетельствования, что сопряжено с его обнажением, помимо его воли, либо назначает судебно-медицинскую экспертизу, которая также сопряжена с обнажением человека, который возражает против этого. Люди могут возражать против получения у них образцов слюны, крови.

Как расценивать данные действия, совершаемые следователем вполне законно в рамках доследственной проверки? Представляется, что данные действия следователя влекут ущемление конституционных прав граждан и являются ничем иным, как уголовным преследованием.

Но мы должны понимать, что не по каждому сообщению о преступлении следователь выполняет в ходе доследственной проверки следственные

действия, нарушающие конституционные права и свободы граждан. Поэтому если данные следственные действия совершаются, то мы можем утверждать, что уголовное преследование уже началось. Однако если в ходе проверки сообщения о преступлении эти действия не выполняются, то мы не можем говорить, что имеет место уголовное преследование.

Поэтому утверждение авторов о том, что сам факт начала проверки сообщения о преступлении автоматически означает начало уголовного преследования, является некорректным.

Что касается статуса лиц, участвующих в доследственной проверке, то ранее мы выделяли семь категорий лиц, участвующих в проверке сообщения о преступлении [6, с. 97-98].

К числу этих лиц относятся также лица, которые причастны к совершению преступления, т.е. будущие подозреваемые и обвиняемые.

Эти лица имеют определенные права, которые им разъясняются лицом, производящим проверку. К числу этих прав относятся право не свидетельствовать против себя, своего супруга (супруги) и своих близких, право на оказание квалифицированной юридической помощи, право пользоваться услугами адвоката, а также право приносить жалобы в порядке главы 16 УПК РФ.

Закон не наделяет этих лиц правом заявлять ходатайство о заключении с ними досудебного соглашения о сотрудничестве.

К тому же, уголовно-процессуальный закон прямо говорит о том, что досудебное соглашение о сотрудничестве может быть заключено *только после возбуждения уголовного дела* (ч. 5 ст. 21 УПК РФ).

Исходя из этих соображений, не представляется возможным поддержать озвученное данными авторами предложение наделить лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, правом заявлять ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве до возбуждения уголовного дела.

Не совсем понятно, как данные авторы предлагают проверять и закреплять доказательства без возбуждения уголовного дела без выполнения необходимых следственных и иных процессуальных действий. Изучение уголовных дел, по которым заключаются досудебные соглашения о сотрудничестве, показывает, что лица, с которыми эти соглашения заключены, неоднократно и подробнейшим образом допрашиваются в качестве подозреваемых, а затем и обвиняемых, с ними проводятся проверки показаний на месте, они участвуют в проведении очных ставок с другими соучастниками преступлений. Все данные следственные действия возможны только после возбуждения уголовного дела. Только после закрепления показаний этих лиц и их тщательной проверки следователь, а затем и прокурор на основании ходатайства этих лиц принимает решение о его удовлетворении и заключении с ними досудебного соглашения о сотрудничестве.

В рамках проверки сообщения о преступлении выполнить эту работу невозможно.

Эдилова П. В. [17, 16] также как и предыдущие авторы предлагает разрешить заключение досудебного соглашения о сотрудничестве ещё до возбуждении уголовного дела. Логика рассуждения данного автора такова: в статье 21 УПК РФ «Обязанность осуществления уголовного преследования», где начало уголовного преследования обозначено с момента обнаружения признаков преступления, обязывая прокурора, следователя, орган дознания и дознавателя принимать меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления.

Фактически это означает, что *уголовное преследование в рамках функции обвинения осуществляется с момента обнаружения признаков преступления, в том числе в случае, когда лицо, его совершившее, не установлено* (курсив наш. – А. Н.).

Учитывая, что уголовное преследование возможно до установления лица, с момента обнаружения признаков преступления, то заключение досудебного соглашения о сотрудничестве возможно с начала уголовного преследования, как указано в ст. 317.1 УПК РФ, а не после приобретения подозреваемым, обвиняемым соответствующего процессуального статуса, это требует соответствующей корректировки закона [17, с. 34].

Давайте разберем приведенные высказывания автора. Прежде всего автор цитирует нормы уголовно-процессуального закона, а именно положения части 2 статьи 21 УПК РФ, где сказано следующее: «В каждом случае обнаружения признаков преступления прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают предусмотренные настоящим Кодексом меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления».

О чем говорят эти нормы закона? Только о том, что уголовное преследование является не правом перечисленных в законе субъектов, а их обязанностью. Обнаружив признаки преступления, они обязаны принять соответствующие меры, предусмотренные законом. Данная статья так и называется: «Обязанность осуществления уголовного преследования». Нигде в этих нормах не устанавливаются временные рамки уголовного преследования. Делать из приведенных норм закона вывод о возможности начала уголовного преследования с момента обнаружения признаков преступления, представляется неоправданным.

В законе не дается определение момента обнаружения признаков преступления. По смыслу и по букве закона лицо, производящее проверку сообщения о преступлении, после выполнения всех необходимых действий, если приходит к выводу о том, что в деянии установленного либо неустановленного лица или лиц содержатся признаки состава преступления, предусмотренного соответствующей статьей УК РФ, выносит постановление о возбуждении уголовного дела. Данное постановление и является тем формальным процессуальным документом, который говорит об обнаружении признаков преступления. В постановлении о возбуждении уголовного дела обязательно указываются повод и основание для возбуждения уголовного дела. Напомним, что основанием для возбуждения уголовного дела является

наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Кроме того, в постановлении о возбуждении уголовного дела непременно указываются пункт, часть, статья Уголовного кодекса Российской Федерации, на основании которых возбуждается уголовное дело.

Мы знаем, что уголовные дела могут возбуждаться как в отношении конкретного лица (или лиц), так и без указания лица (лиц), т.е. в отношении неустановленных лиц, по факту совершения преступления.

Автор утверждает, что уголовное преследование возможно ещё до установления лица, его совершившего. Как можно преследовать того, кого ты не знаешь? Если субъекты уголовного преследования не установили личность лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности, то как они могут его преследовать, т.е. задержать по подозрению в совершении преступления, избрать ему меру пресечения, произвести у него обыск и т.д.? Думается, что это просто невозможно.

Автор идёт ещё дальше и вводит в научный оборот понятие «контрактант». Под ним понимается человек, пусть даже и до возбуждения уголовного дела, заключивший с представителем прокуратуры соглашение о сотрудничестве, который становится субъектом уголовно-процессуальных отношений, т.е. приобретает субъективные права и юридические обязанности, определяемые договором и уголовно-процессуальным законодательством.

Автор предлагает определить нового субъекта уголовно-процессуальных отношений как *контрактанта, т.е. лица, с которым после его обращения в прокуратуру заключено соглашение о сотрудничестве.*

При этом, если лицо обратилось с заявлением о желании заключить соглашение о сотрудничестве с обвинением до возбуждения уголовного дела, в договоре необходимо предусмотреть пункт о действии этого договора, только в том случае, если представленная информация, проверенная в уголовно-процессуальном режиме, подтвердилась. Информация, предоставленная контрактантом, направляется в следственный орган, где организуется её проверка, по результатам которой выносится постановление о возбуждении или отказе в возбуждении уголовного дела [17, с. 35].

Комментируя изложенное, хотелось бы отметить несколько ошибок, которые совершает автор в своих рассуждениях. Во-первых, автор исходит из ошибочного утверждения, что можно подвергать уголовному преследованию неустановленное лицо, при этом смешивая функции расследования и уголовного преследования. Во-вторых, уголовно-процессуальное законодательство не знает понятия «контрактант». Процессуальный статус данного лица не определен в уголовно-процессуальном законе. В-третьих, утверждения автора о том, что возможно заключение досудебного соглашения о сотрудничестве до возбуждения уголовного дела прямо противоречит нормам действующего законодательства (п. 61 ст. 5, ч. 5 ст. 21, ч. 2 ст. 317.1 УПК РФ). В определении досудебного соглашения о сотрудничестве (п. 61 ст. 5 УПК РФ) прямо говорится, что оно может быть заключено только после возбуждения уголовного дела или предъявления обвинения. В ч. 5 ст. 21 УПК РФ сказано, что прокурор может заключить соглашение о сотрудничестве

только после возбуждения уголовного дела. Наконец, в ст. 317.1 УПК РФ сказано, что досудебное соглашение о сотрудничестве вправе заключить только подозреваемые или обвиняемые, а эти лица получают свой процессуальный статус только после возбуждения уголовного дела. В-четвертых, автор смешивает досудебное соглашение о сотрудничестве с заявлением о совершении преступления как поводом для возбуждения уголовного дела (п. 1 ч. 1 ст. 140 УПК РФ).

Ю. А. Чабукиани [14, с. 102] указывает на противоречия в нормах УПК и УК РФ. Так, п. 61 ст. 5 УПК РФ гласит, что досудебное соглашение о сотрудничестве – соглашение между сторонами обвинения и защиты, в котором указанные стороны согласовывают условия ответственности подозреваемого или обвиняемого в зависимости от его действий после возбуждения уголовного дела или предъявления обвинения. Эти границы (возбуждение уголовного дела, предъявление обвинения) соглашения разнятся с предусмотренными ч. 2 ст. 317.1 УПК РФ и тем более с пунктом «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ. В ч. 2 ст. 317.1 УПК РФ допустима подача ходатайства с момента начала уголовного преследования до объявления об окончании предварительного следствия. В п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ начальный момент определяется явкой с повинной (а это уже возможно до возбуждения уголовного дела).

Эдилова П. В. идёт ещё дальше в развитии своих взглядов и предлагает внести изменения в ст. 140 УПК РФ «Поводы и основание для возбуждения уголовного дела», а именно добавить новый повод: «5) постановление о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве и направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса о возбуждении уголовного дела» [16, с. 181].

Для того чтобы узаконить процессуальную фигуру контрактанта автор предлагает внести изменения и принять новую статью 46.1 УПК РФ «Права и обязанности контрактанта».

Мы знаем, что законодатель не пошел по тому пути, который предлагали данные авторы (С. А. Яковлева, П. С. Конюшков, П. В. Эдилова) и не стал вводить новую процессуальную фигуру в главу 7 УПК РФ «Участники уголовного судопроизводства со стороны защиты».

Законодатель в 2018 году ввел новую процессуальную фигуру в главу 8 УПК РФ «Иные участники уголовного судопроизводства» и обозначил её как «лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве» (ст. 56.1 УПК РФ).

И последнее, о чем хотелось бы сказать, анализируя временные границы заявления ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

Один из исследователей, Федосеева Е. Л. [11, с. 15] различает ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве и *заявление о намерении сотрудничества*. Она полагает, что на этапе возбуждения уголовного дела не всегда можно сразу принять решение о

привлечении к ответственности конкретного лица, соответственно, не обладая процессуальным статусом, оно фактически лишается возможности, предусмотренной ч. 2 ст. 317.1 УПК РФ, заявлять о сотрудничестве.

Автор утверждает, что если ходатайство о досудебном соглашении подается с момента начала уголовного преследования (ч. 2 ст. 317.1 УПК РФ), то право на заявление о намерении сотрудничества возникает у лица с момента получения сообщения о преступлении до наделения его процессуальным статусом подозреваемого (обвиняемого). Для реализации этого права автором разработаны форма, реквизиты и основное содержание такого заявления, а также порядок его подачи должностному лицу [11, с. 15].

Полагаем, что нет необходимости в действующем уголовно-процессуальном законе создавать ещё один процессуальный документ в виде заявления о намерении сотрудничества. Лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, может сделать такое заявление устно, а затем, дождавшись получения статуса подозреваемого или обвиняемого, вправе заявить письменное ходатайство по правилам ст. 317.1 УПК РФ.

Выводы.

Уголовно-процессуальный закон гласит, что подозреваемый или обвиняемый вправе заявить ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве с момента начала уголовного преследования до объявления об окончании предварительного следствия.

В законе не содержится закрепления момента начала уголовного преследования, поэтому необходимо обратиться к работам процессуалистов, которые занимаются данной проблематикой.

Анализируя работы наших ученых, мы видим, что существуют различные точки зрения на данную проблему.

Большинство авторов связывают начало уголовного преследования с возбуждением уголовного дела, причем ряд исследователей утверждает, что уголовное преследование начинается даже тогда, когда уголовное дело возбуждено без лица, по факту преступления. Другие исследователи утверждают, что уголовное преследование начинается только тогда, когда уголовное дело возбуждается в отношении конкретного лица.

Автором показывается несостоятельность взглядов первых и правота взглядов вторых исследователей.

Также приводятся точки зрения ряда авторов, которые утверждают, что уголовное преследование может начаться до возбуждения уголовного дела и что право заявить ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве имеют не только подозреваемые и обвиняемые, но и лица, в отношении которых проводится проверка сообщения о преступлении. Этими авторами данные лица именуются заподозренными, контрактантами, соучастниками преступления, заключившим досудебное соглашение о сотрудничестве.

Автор критически относится к подобным воззрениям и убедительно доказывает невозможность уголовного преследования до возбуждения

уголовного дела, невозможность заявления ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве до возбуждения уголовного дела и неприемлемость появления новых процессуальных фигур, не предусмотренных действующим уголовно-процессуальным законом.

Автором констатируется, что завершающим моментом, когда подозреваемый или обвиняемый может заявить ходатайство о заключении с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, является момент объявления об окончании предварительного следствия, который предусмотрен частью 1 статьи 215 УПК РФ, по поводу чего следователь составляет соответствующий протокол.

Список литературы

1. Багаутдинов К. Ф. Досудебное соглашение о сотрудничестве: актуальные проблемы оптимизации механизма реализации и совершенствования процессуального статуса его участников: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2020. – 31 с.
2. Баев О. Я. Досудебное соглашение о сотрудничестве: правовые и криминалистические проблемы, возможные направления их разрешения: монография. – М. : Норма, ИНФРА-М., 2013. – 208 с.
3. Каретников А. Сделки в российском уголовном процессе // Законность. – 2013. – № 3. – С. 36-41.
4. Коршунова О. Н. Преступления экстремистского характера: теория и практика противодействия. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2006. – 323 с.
5. Любенко В. В. Институт досудебного соглашения о сотрудничестве обвиняемого с прокурором: вопросы теории и законодательной техники // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2012. – № 1. – С. 117-122.
6. Наумов А. М. Уголовное преследование на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: вопросы теории уголовного процесса и прокурорской деятельности: монография. – Владимир, 2015. – 300 с.
7. Никитин Е. А. Актуальные проблемы прокурорской деятельности при осуществлении уголовного преследования: дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2000. – 198 с.
8. Попрядухин А. В., Роганов С. А. Реализация института досудебного соглашения с обвиняемым о сотрудничестве в контексте уголовного преследования // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2018. – № 2 (78). – С. 105-109.
9. Соловьев А. Б. О функциях прокуратуры в досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Проблемы совершенствования прокурорского надзора (к 275-летию Российской прокуратуры): материалы научно-практической конференции (10 декабря 1996 г.). – М. : НИИПУЗЗиП, 1997. – С. 120-126.
10. Уголовно-процессуальное право РФ: учебник / под ред. проф. П. А. Лупинской. – М. : Юристъ, 1998.

11. Федосеева Е. Л. Особый порядок уголовного судопроизводства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2014. – 24 с.
12. Халиулин А. Г. Осуществление функции уголовного преследования прокуратурой России. – Кемерово : Кузбассвуиздат, 1997. – 224 с.
13. Халиулин А. Г. Уголовное преследование как функция прокуратуры РФ (проблемы осуществления в условиях правовой реформы): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1997. – 36 с.
14. Чабукиани О. А. Заключение досудебного соглашения о сотрудничестве: понятие, практические вопросы, особенности предварительного расследования // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2013. – № 4 (60). – С. 101-108.
15. Шаталов А. С. Правовая регламентация особого порядка принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Пенитенциарная наука – 2009. – № 3. – С. 28-33.
16. Эдилова П. В. Некоторые проблемные аспекты заключения досудебного соглашения о сотрудничестве // Пробелы в российском законодательстве. – 2016. – № 5. – С. 180-185.
17. Эдилова П. В. Соглашение о сотрудничестве с обвинением в уголовном процессе // Пробелы в российском законодательстве. – 2017. – № 2. – С. 33-37.
18. Яковлева С. А., Конюшков П. С. Вопросы определения процессуального статуса лица, совершившего преступление в соучастии и заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве // Марийский юридический вестник. – 2017. – № 2 (21). – С. 95-99.
19. Якубович Н. А. Укрепление процессуального статуса подозреваемого – важная гарантия реализации конституционных принципов права на защиту и неприкосновенность личности // Охрана прав граждан в уголовном судопроизводстве: сборник научных трудов. – М. 1989. – С. 32-40.